

- Ну, иногда он, конечно, может быть придурком. - Она взяла мою руку и сжала ее, - но мне нравится, что он заботится и хочет защитить меня в любом случае.

- Хотел бы я сказать, что это из-за этого, - ответил, - но это не совсем так.

Эми с любопытством посмотрела на меня.

- Сегодня я не собирался надирать ему задницу. Я был на фуд-корте с друзьями и случайно заметил его там. Он смеялся. Я просто вспомнил, как тебе было больно и грустно прошлой ночью... и я просто... я увидел красный флаг, - я вздохнул. - Я просто отреагировал глупым мачо-дерьмом. Честно говоря, мне даже стыдно.

- Ну, не стоит. Он-засранец. Должна признаться, я была потрясена, когда услышала, что ты сделал. Но это также заставило меня понять, что мы не так сильно отделились друг от друга, как я думала. Мне нравится это знать.

Я посмотрел на нее, и она встретилась со мной взглядом своих прекрасных голубых глаз. Ни один из нас не произнес ни слова. Я не знал, что сказать, все еще искренне смущенный отсутствием самоконтроля, и кто знает, о чем она думала.

- Ты действительно назвал его гнилой сучкой? - я редко слышал от неё такое, и был на мгновение ошеломлен.

- Эм... Да. Думаю, что да. На самом деле я ничего не помню. - Разве я его так называл? Вау. Я был взбешен.

- Это довольно грубо, Адам, - она состроила мне гримасу. - Даже если это правда.

Мы оба рассмеялись, когда она встала, чтобы уйти. - Я рада, что с тобой все в порядке. Я ничего не имею в виду, но он намного больше тебя.

- Люди уже говорили мне об этом сегодня, - я вздохнул.

Дойдя до двери, она оглянулась на меня.

- Мне придется вспомнить эту фразу в следующий раз, когда какая-нибудь цыпочка разозлит меня, - с этими словами она исчезла в своей спальне.

* * *

Прошло несколько недель, почти как обычно, пока однажды утром, когда я сидел за барной

стойкой на кухне, потягивая кофе, в кухню не вошла Эми, одетая в мою рубашку. Она скосила на меня свои полуоткрытые глаза и пробормотала что-то вроде "кофеин", но я не был полностью уверен. Стоя спиной ко мне, она потянулась за кофейной чашкой из шкафа, ее (моя) рубашка задралась, открывая ее великолепную задницу, которая была покрыта парой синих трусиков с вырезом бикини. Мне пришлось незаметно приспособиться, так как моя эрекция была мгновенной.

- У тебя что, нет своей одежды? - пробормотал я, указывая на свою рубашку.

- Да, но в твоей спать удобнее, - она слегка улыбнулась.

- Угу, - я отхлебнул кофе и изо всех сил попытался выбросить из головы образ идеальной задницы, которую только что видел. Мне показалось, что она прожгла мне сетчатку, как будто я смотрел на солнце.

- Что ты сегодня делаешь? Ты уходишь? - спросила она, облокотившись на стойку бара над чашкой кофе, отодвинув попку, что снова привлекло мое внимание к ее прекрасной фигуре.

- На самом деле у меня нет никаких планов. - Я протянул: - Может быть, сходим сегодня в бар с ребятами.

- Но сегодня ничего?

- Не совсем.

- Ты не хочешь потусоваться со мной? - спросила она немного смущенно. - Может быть, пойти прогуляться по природным тропам в парке или что-нибудь в этом роде? Сегодня должен быть хороший день.

Я на мгновение задумался, потом кивнул. - Конечно. Звучит забавно.

Я почувствовал исходящую от нее улыбку еще до того, как поднял глаза.

- Потрясающе! Нам будет так весело! - Она практически выскочила из кухни, чтобы собраться. Должен признать, ее возбуждение было немного заразительным.

Вскоре я принял душ и оделся в коричневые шорты-карго и синюю рубашку Radiohead. Я упаковал в машину рюкзак с художественными принадлежностями (у меня всегда был с собой альбом или два), воду в бутылках, прохладительные напитки, одеяло, посуду, ящик со льдом и еще кое-что. Эми вышла к машине в обрезанных джинсах и свободной серой рубашке. Ее длинные черные волосы были собраны в конский хвост, открывая чувственную шею. Она была великолепна.

- Зачем все это? - спросила она, указывая на заднее сиденье.

- Я подумал, что мы могли бы воспользоваться грилем в парке, и приготовить гамбургеры.

- Звучит идеально! - воскликнула она, запрыгивая в машину.

Мы прибыли в парк к середине утра, и, к счастью, там еще не былолюдно. Остаток утра мы провели, прогуливаясь по природным тропам, как любили делать это в детстве. Мы много говорили о разных воспоминаниях, которые связывали нас с посещением этого парка всю нашу жизнь, и в основном просто наслаждались солнцем и обществом друг друга. Я не мог не заметить, какими нежными выглядели ее руки, когда она шлепала жука, потирая шею там, где тот забирался на нее. Она просто казалась мне изысканным и потусторонним существом, и я не мог страхнуть с себя ту страсть, которая была у меня на уме.

Когда мы вернулись на место для пикника, я разжег угли на гриле и принялся рисовать кучи плавников на берегу озера, отчаянно стараясь не смотреть на Эми, растянувшуюся на одеяле, наслаждающуюся солнцем. Теперь в парке было больше людей, и несколько парней подошли и начали флиртовать с Эми. Я почувствовал уколы ревности, которые изо всех сил старался подавить, сосредоточившись на гриле и решительно игнорируя их. Я уже начинал думать, что у меня серьезно с головой не все в порядке. Она была моей сестрой, черт возьми. О чем, черт возьми, я думал? Эми была с ними любезна, но в конце концов, к моему большому облегчению, отправила их восвояси.

После обеда мы упаковали все обратно в машину, и я предложил взять напрокат каноэ, чтобы покататься по озеру. Эми подумала, что это отличная идея, и мы весело провели время, гребя вдоль водной линии вдаль от парка и всех людей, которые были там. Я воспользовался тем, что сидел на корме каноэ для гребли, и позволил себе много раз с тоской смотреть на нее, потому что она сидела ко мне спиной. Мне нравилось смотреть, как солнце обожествляет ее кожу, как пот слегка блестит на ее шее и верхней части спины, словно глазурь. К счастью, сегодня был прекрасный день, и Эми с удовольствием смотрела на птиц и других диких животных, собравшихся вокруг озера. Я поймал маленькую черепашку, которую она сочла очаровательной, и позволил ей побродить на дне каноэ несколько минут, прежде чем она неохотно выпустила ее обратно в воду. Восторженное выражение, которое она сохраняла на лице, играя с черепашкой, было гораздо более очаровательным, чем, по общему признанию, милая маленькая черепашка когда-либо могла быть. Через несколько часов, которые прошли быстрее, чем мне бы хотелось, мы отправились домой. Это было лучшее время, которое я провел с кем-либо за довольно долгое время.

* * *

В течение следующих нескольких недель Эми стала чаще бывать дома. Она часто приходила ко мне после ужина и делала уроки, пока я рисовал. Иногда она бесконечно болтала на разные темы, пока я готовил холсты и смешивал краски, но она, казалось, понимала, что мне нужна тишина, когда я действительно работал над дизайном. Когда я рисовал, она молчала, сосредотачивалась на учебе, читала и время от времени вздремывала.

Ей нравилась музыка, которую я слушал во время работы, и она иногда просила, чтобы я записывал ей названия. Я был удивлен, когда она сказала мне, что она, наконец, нашла несколько песен Einsturzende Neubauten и, хотя ей понравилась рубашка, которую она украдала у меня, она не могла понять, что я нашел привлекательным в группе. Я рассмеялся и сказал ей, что это приобретенный вкус.

Я обнаружил, что искренне наслаждаюсь ее обществом и иногда ввязываюсь в какой-нибудь спор и ничего не добиваюсь от картины, над которой работаю. Она была умна, скорее всего, умнее меня, забавна, с ней было легко разговаривать, и у нее было некоторое представление о том, что она хочет делать со своей жизнью.

Она любила путешествовать и вскоре уезжала в Рим — двухнедельную поездку, которую планировала с парой друзей уже несколько лет. Они копили на это деньги, работая неполный рабочий день, и в конце концов назначили дату между семестрами. Я бы и сам хотел когда-нибудь увидеть Рим и другие части Европы, и мы говорили о разных местах, которые хотели бы посетить. Мне было трудно оторвать от нее взгляд, так как она часто появлялась в пижаме, которая обычно состояла из боксерских трусов и футболки. Она еще больше усложняла мне жизнь, когда появлялась после спортзала в колготках или шортах для бега и футболке без рукавов поверх спортивного лифчика, который подчеркивал изгибы ее груди. В таких случаях я старался держаться к ней спиной и был чем-то занят, украдкой поглядывая на ее невероятную попку или выпуклость груди, когда чувствовал, что могу рискнуть.

Однако, к своему ужасу, я обнаружил, что мое влечение к ней не было чисто физическим. Она вторгалась в мои мысли в любое время дня и ночи. Со своей стороны, она, казалось, тоже наслаждалась моим присутствием. Она начала писать мне эсэмэски, когда была в классе или когда я был на работе, рассказывая о том, что происходило в ее день, или спрашивая название какой-нибудь песни, которую я слушал, когда она была рядом, и которую она хотела послушать. Ее оптимизм, доброе сердце и жизнерадостный энтузиазм невероятно освежили меня, поскольку я проводил большую часть времени, будучи замкнутым отшельником, рисуя в своей комнате. Все мои друзья были мудрыми осликами и горькими художниками. Не раз я ловил себя на том, что удивляюсь, почему она хочет тусоваться со мной.

Возрождение нашей детской близости, хотя и не намеренное, казалось, тоже очень радовало нашу мать. Иногда я краем глаза замечал, как мама улыбается нам, когда мы вместе смотрели телевизор в гостиной или что-то в этом роде. Все это было слишком сложно принять. Чувство вины грызло меня за то, что я чувствовал к ней, но я был бессильным изменить это. Это был тупик, и я знал это. Здесь надеяться было не на что. Никакого будущего. Просто тупо чахну из-за того, чего у меня никогда не будет. Мне нужно было отвлечься.

* * *

<http://tl.rulate.ru/book/1897/52955>